

Опыт выявления гносеологического содержания экзистенциальной прозы А. С. Грина (на материале романа «Бегущая по волнам»)

Киричек Александр Владимирович¹, Ходикова Нина Анатольевна²

¹кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

²кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии,
Академия Государственной противопожарной службы МЧС России.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-2415-6267. E-mail: 5856243@mail.ru

Аннотация. Одним из путей, позволяющих сделать изучение философии более интересным и увлекательным, является использование произведений художественной литературы, прежде всего, отечественной. Рассмотрение содержания последних сквозь призму категорий и понятий философии способно активизировать критическое мышление обучающихся, развить их творческие способности. Однако подавляющее большинство исследований, нацеленных на изучение философского содержания литературных произведений, посвящено проблемам онтологии, антропологии и социальной философии, тогда как вопросы теории познания остаются на дальней периферии подобных изысканий. Одна из причин такой ситуации заключается в том, что довольно сложно подобрать произведения, обладающие достаточно богатым гносеологическим содержанием. Одним из литературных произведений, дающих богатый материал для гносеологического анализа, является экзистенциальный роман Александра Грина «Бегущая по волнам». Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы эксплицировать теоретико-познавательное содержание данного произведения. Для реализации этой цели были привлечены различные виды анализа (гносеологический, сравнительный, литературоведческий, психологический), а также принципы и правила герменевтики. В статье показано, что главные герои романа – Томас Гарвей и Биче Сениэль – используют различные познавательные стратегии, являющиеся следствием их противоположных взглядов на антитезу «рациональное – мистическое». Однако при этом мистическое познание не столько противопоставляется рациональному, сколько трактуется в качестве дополнения и расширения последнего. Также в романе поднимается тема понимания, которое возможно только как взаимопонимание и предполагает деятельную любовь, рассматривается проблема истины как вопрос о выборе между подлинным и ложными путями овладения Несбывшимся. В заключении делается вывод, что гносеология Грина аксиологична, ибо неразрывно связана с антициентистским мировидением писателя. Полученные результаты могут быть использованы в процессе преподавания философии: приводятся вопросы и задания по произведению, адресованные обучающимся вузов и колледжей.

Ключевые слова: гносеология, понимание, Александр Грин, рациональное, мистическое, истина, преподавание философии, художественное произведение.

Введение. В современных условиях, когда темп социальных изменений постоянно увеличивается, когда на наших глазах резко изменяются контуры мировой цивилизации, модернизация высшего образования представляется необходимым и перманентным процессом, который затрагивает как содержание, так и методическое оснащение всех учебных дисциплин. Несмотря на многовековую историю, философия также не может остаться в стороне от новаций, ибо ее окостенение как с содержательной, так и методической стороны, чревато далеко идущими негативными последствиями для духовной жизни всего общества, что достаточно ярко продемонстрировал опыт преподавания диалектического и исторического материализма в советскую эпоху. Поэтому долгом каждого преподавателя философии является не только наполнение учебного курса новым содержанием, но и расширение арсенала используемых методик, которые, идя в ногу со временем, могли бы более качественно помогать решать задачи по развитию мышления обучающихся, оказывая в то же время позитивное влияние на их мировоззрение.

Одним из путей, способных сделать изучение философии более интересным и увлекательным делом, представляется широкое использование произведений художественной литературы, прежде всего, отечественной. Следует сказать, что на сегодня сложилась парадокс-

сальная ситуация. С одной стороны, еще более ста лет назад авторитетные отечественные мыслители указывали на то, что «русская художественная литература является кладом самобытной русской философии» [21, с. 74], вторя им, современные исследователи продолжают множить научные и публицистические труды, посвященные экспликации философского содержания произведений художественной литературы, выполненные зачастую на стыке литературоведения и философии. В частности, можно отметить работы Е. Н. Бондаренко, Ключаревой и других [6; 17; 18].

Но, с другой стороны, результаты этих исследований, как правило, мало проникают в учебные курсы, а опыт вычерпывания философских смыслов в литературных творениях не получает широкого распространения среди обучающихся вузов. Возможно, одна из причин связана с тенденцией по постоянному усечению количества часов, отводимых на философию, в результате которой преподавателю с каждым новым витком «оптимизации любознательности» приходится буквально впихивать прежние объемы во все уменьшающуюся «шагреновую кожу» часов и зачетных единиц. В результате педагог оказывается в ситуации, когда хорошо бы успеть дать самое главное, которое зачастую оценивается обучающимися и как самое скучное, а на «развлекательное», на то, что способно вызвать живой интерес студентов и в то же время заставить их мозг активно работать и развиваться, обычно времени практически не остается.

По нашему убеждению, однако, есть и другие основания, замедляющие внедрение анализа художественной литературы в программы философии (и конечно, некоторых других социогуманитарных дисциплин). В частности, далеко не все разделы философии в равной мере оказываются конгруэнтными тому философскому содержанию, которое можно извлечь из романа, повести, рассказа, новеллы или стихотворения. Действительно, даже самый краткий взгляд на исследования, выполненные на стыке литературоведения и философии, показывает, что чаще всего в центре внимания оказывается философско-антропологическая проблематика, то есть темы свободы, любви, смысла жизни, одиночества, творчества и тому подобное [20; 26], в меньшей степени – социально-философская и онтологическая тематика (проблемы мироустройства, восприятие пространства и времени, социальные последствия развития техники и тому подобное) [1; 23], наконец, гносеологическому содержанию повезло, видимо, меньше всего – оно остается на дальней периферии таких исследований. Внести вклад в восполнение этого пробела и призвана настоящая статья.

Таким образом, актуальность экспликации гносеологического содержания литературного произведения обусловлена, с одной стороны, необходимостью внедрения в педагогический процесс новых образовательных технологий, и с другой стороны, имеющимся налицо дефицитом исследований, в которых осуществлялся бы такой исследовательский поиск. Для изучения было выбрано одно из самых известных сочинений экзистенциальной прозы Александра Грина (1880–1932) – роман «Бегущая по волнам» (1927), который удобен тем, что не только обладает богатым и разноплановым философским содержанием, но также отличается компактностью, доступностью, дважды – в 1967 и 2007 гг. – был экранизирован.

Необходимо подчеркнуть, что данный роман Грина хорошо изучен, прежде всего, с литературоведческой точки зрения [17; 18; 19; 30], также рассматривалось его антропологическое и онтологическое своеобразие [4; 14; 15], а вот его гносеологическое содержание до настоящего времени не становилось предметом философской рефлексии, несмотря на то, что автором ставится и решается целый спектр проблем, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к теории познания.

Исходя из вышеизложенного, цель работы заключается в выявлении гносеологического содержания указанного романа, в качестве конкретизации цели были определены следующие задачи:

- 1) определить основные гносеологические проблемы и темы в романе;
- 2) рассмотреть варианты их решения, представленные автором;
- 3) проанализировать центральные гносеологические категории и понятия;
- 4) наметить пути использования романа при изучении вопросов гносеологии в курсе философии.

Теоретические основы (методология исследования). Для достижения поставленной цели и решения сформулированных задач в качестве центральной методологической процедуры был избран гносеологический анализ. Суть последнего видится в экспликации теоретико-познавательных проблем и категорий (понятий), поставленных и используемых в романе, в выявлении и уточнении гносеологических позиций главных героев, практикуемых ими по-

знавательных стратегий (своего рода их «гносеологических кредо»). В качестве дополнительных привлекались другие виды анализа – сравнительный, литературоведческий, психологический, а также применялись принципы и правила герменевтики.

Надо отметить, что на сегодня нет хорошо и глубоко разработанной методологии выявления философского содержания литературных произведений. Представляется, что решать эту задачу можно двумя путями. Первый условно можно назвать «гносеологией сверху» – он связан с наложением на текст романа категориально-понятийной сетки гносеологии. Его реализация предполагает сначала нахождение в тексте проблем, тем и понятий, традиционно исследуемых и используемых в теории познания, а затем рассмотрение того, как эти темы раскрываются, проблемы решаются, а понятия осмысляются (интерпретируются) автором и героями произведения (например, поиск в повествовании понятий истины, заблуждения, субъекта познания, средств познания, нахождения следов и признаков агностицизма, скептицизма, гносеологического оптимизма, соотношения эмпирического и теоретического, чувственного и рационального и тому подобное). Вторая стратегия, именуемая «гносеологией снизу», предполагает в качестве исходного не проблемно-понятийное поле гносеологии, а само литературное произведение, которое подлежит бережному рассмотрению как особый самобытный и целостный мир с присущими ему законами и правилами, своеобразным хронотопом, мир, в который познание вплетено как его органическая часть, а герои выступают носителями уникальных мировоззрений, следствиями которых оказываются используемые ими познавательные стратегии. При этом, исходя из методологического принципа дополнительности, одновременное использование обоих подходов представляется не только возможным, но и наиболее продуктивным.

Результаты. Прежде чем перейти к гносеологическому анализу произведения, следует отметить, что «Бегущая по волнам» занимает в творческом наследии А. С. Грина особое место. В отличие от подавляющего большинства других его романов и рассказов, включая и феерию «Алые паруса», где мистическое если и присутствует, то незримо (за исключением, пожалуй, летающего человека в «Блистающем мире»), где явно или подспудно проводится мысль, что чудеса надо делать своими руками, в «Бегущей по волнам» мистическое персонализировано в образе божественной и в то же время вполне осязаемой девушки Фрези Грант, не только обладающей такими сверхспособностями, как умение бегать по волнам, подчинять себе волю других людей, предвидеть ход событий, но и могущей в критический момент спасти главного героя, телекинетически отведя от него удар 20-ти пудовой штамбы. В конечном же счете Фрези, как показано в работе [13], становится режиссером ключевых событий романа, помогая Гарвею обрести если не само Несбывшееся, то, по меньшей мере, любимую женщину как верную спутницу в вечной охоте за таковым.

Несмотря на то, что роман «Бегущая по волнам» посвящен, прежде всего, философско-антропологическим проблемам, он, тем не менее, в то же время обладает и достаточно богатым гносеологическим содержанием, которое, однако, не лежит на поверхности – чтобы его выявить, для начала необходимо взглянуть сквозь призму некоторых категорий теории познания на центральный конфликт произведения, которым выступает столкновение мировоззрений двух главных героев – романтического, чувственно-мистического мировидения Томаса Гарвея и рассудочно-рационального миропонимания Биче Сениэль.

Двое молодых людей, парень и девушка, принадлежащие к одному социальному слою – образованных аристократов, и к тому же тянущиеся друг к другу, неожиданно расстаются в тот самый момент, когда любовь Гарвея к Биче достигает своего апогея. Причина кроется в несовместимости точек зрения на мистическую реальность: несмотря на то, что Гарвей совершенно не похож на сумасшедшего или лгуна, Биче упорно отказывается верить в то, что его встреча с легендарной Фрези Грант была реальной.

По сути, перед нами наглядно-образное воплощение оппозиции «рациональное – иррациональное». Биче представляет полюс разума, науки, что, однако, не делает ее бесчувственной, неспособной на сильные эмоции: она не только переживает по поводу идейных расхождений с Гарвеем, но и не может долго находиться на семейном корабле, оскверненном Гезом и его командой. Тем не менее Биче готова признать лишь то, что не противоречит ее рационально-научной картине мира: несмотря на то, что чудесное едва ли не силой пытается проникнуть в ее жизнь, девушка активно его выпроваживает, то есть отрицает, открыто признаваясь в своей слепоте к миру чудес [10, с. 172] – по сути тому самому «миру духов», о котором писал Гете в «Фаусте» [8, с. 247]. Биче также предельно рациональна в поступках, все обдумыв-

вает, рассчитывает и взвешивает. У нее прекрасная память, она хорошо рисует – настолько хорошо, что ее рисунки напоминают своей точностью чертежи, то есть также носят скорее рациональный, чем эмоциональный характер. В вопросе о познаваемости мира позиция Биче в то же время близка к *скептицизму*: не будет преувеличением сказать, что у нее прекрасно развито *критическое мышление* [29, с. 12], но именно оно и мешает ей поверить в реальность Фрези Грант.

Гарвей, напротив, деятельно открыт чуду, он готов пойти за внутренним голосом (который, как выяснится позже, принадлежит Фрези Грант), даже если тот толкает его на безрассудство – будь то путешествие на корабле в компании с незнакомым капитаном, имеющим весьма сомнительную репутацию, или же отчаянный бросок на защиту каменной статуи, к «телу» которой устремлена мчащаяся на всех парах двадцатипудовая чугунная штамба. Разумеется, Гарвей, как и любой вменяемый человек, иррационален лишь изредка – в отдельные, узловы́е моменты жизни (моменты экзистенциального выбора), что, однако, не превращает его в рационалиста-скептика.

Именно открытость мистическому измерению бытия, умение смотреть на мир открытыми глазами (то есть не отвергать заранее альтернативные точки зрения) делает Гарвея способным видеть то, что сокрыто от большинства людей, коими являются обитатели профанного мира. Иными словами, Томас обладает *сенситивностью к чудесному*, даже сам настойчиво предлагает «знакам и фигурам» войти в его жизнь, чтобы «озарить и стереть» «ржавчину Несбывшегося» [10, с. 13]. То же самое можно сказать и о Дэзи – будущей супруге протагониста. Именно она первой заметила лодку с Гарвеем, несмотря на то, что в тот момент у нее был здоров только один глаз. Возможно, временно «одноглазой» Грин сделал Дэзи для того, чтобы показать инаковость ее видения мира. Она видит окружающее не столько глазами, сколько сердцем, что позволяет ей едва ли не насквозь видеть других людей, «переноситься в чужие ощущения», что, кстати, затрудняет ее общение с ними [10, с. 179].

Дэзи в определенной степени воплощает архетип Дикарки [14], продолжая традиции лермонтовской Бэлы и купринской Олеси. Пусть Дэзи не живет в лесу или в горах, она тем не менее близка этим героиням своей непосредственностью, чистотой, наивностью, суеверностью. И также наделена особой *проницательностью*, свет на которую в определенной степени проливает рассказ Грина «Словоохотливый домовый» [9, с. 158–162], написанный за несколько лет до «Бегущей по волнам».

В этом коротком произведении автор ведет речь о *двух видах проницательности*: первый из них присущ домовому и 20-летней Анни, которая настолько погружена в мир природы, что способна распознавать «знаки ее прекрасной души» и в солнечном зайчике, и в звучании камня, и в журчании ручья. Второй вид проницательности, доступный людям, но закрытый для домового, Грин отождествляет со способностью понимать «знаки сердца», иначе говоря, разбираться в сложных хитросплетениях человеческих чувств и отношений. Можно предположить, что Анни причастна не только к первому, но и ко второму виду проницательности.

В «Бегущей по волнам» главные герои – Гарвей и Дэзи – также владеют двумя видами проницательности: с одной стороны, они прекрасно понимают других людей, но кроме того, обладают способностью проникать в сверхчувственный мир, в то самое мистическое измерение, в котором пребывает Фрези Грант вместе со своим таинственным островом.

С понятием проницательности органически связана другая центральная гносеологическая тема романа – *тема понимания* – традиционная для теории познания со времен В. Дильтея, считавшего понимание важнейшей методологической процедурой «наук о духе» [11]. Когда в конце повествования Дэзи восклицает: «Человека не понимают!», то невольно задаешься вопросом: что значит понять человека? В сущности, ответом на этот вопрос является весь роман, ибо Гарвей ищет не столько абстрактное Несбывшееся, сколько конкретного человека – любимую женщину – способную его понять, разделив с ним и его убеждения, и образ жизни, и веру в реальность Фрези Грант.

Для Грина понимание – это, прежде всего, понимание другого человека – человека живого, ближнего, находящегося рядом, вступающего в живое общение с героем (но не постижение явлений природы или текстов). Понимание выступает не столько как познавательная процедура, сколько как экзистенциальное событие, несводимое к эмпатии. Понять – это не просто познать мир чувств и мыслей другого человека, не только умение встать на его место, посмотреть на мир его глазами. Для писателя подлинное понимание предполагает едва ли не полное согласие с мировоззрением другого человека, понять – это разделить мироощущение и мировидение другого [7], оказавшись «второй половинкой» его души. Поэтому *понимание*

возможно только как взаимопонимание [2; 5], иначе говоря, оно не может быть полноценным, если носит односторонний характер.

В романе образным воплощением истинного понимания между людьми являются отношения между Дэзи и Гарвеем. Уже с самого момента их знакомства девушка почти во всем соглашается с ним: выражает и понимание, и поддержку, и оправдывает Томаса [10, с. 72–73], хорошо распознает его мотивы, в частности, с какой целью он предложил Тоббогану сыграть в покер [10, с. 83], наконец, даже догадывается, что Гарвей встречался с Фрези Грант [10, с. 83, 90]. Став женой героя, Дэзи едва ли не сливается с ним, о чем Грин пишет так: «Всегда согласная, что бы ей я ни предложил, она немедленно согласилась» [10, с. 179]. Однако и Гарвей, в свою очередь, старается максимально постичь глубинные желания и мысли девушки и тем радикально отличается от ее жениха Тоббогана, о котором капитан Проктор, дядя девушки, говорит, что тот в отношении Дэзи словно «слепой и глухой» [10, с. 76].

Когда в эпилоге романа Гарвей воплощает в жизнь тайную мечту Дэзи о собственном доме, становится ясным – *подлинное взаимопонимание невозможно без деятельной любви*, суть которой, как верно подметил Э. Фромм, заключается в «заботе и ответственности за личностный рост того, кого мы любим» [28, с. 88]. В сущности, Грин здесь в образной форме раскрывает идею *любящего познания*, получившую философское обоснование, в частности, в творчестве русского философа В. С. Соловьева [25, с. 146] и в работах американского психолога А. Маслоу [22, с. 25], идею, согласно которой любовь суть неперемное условие истинного познания того, кого мы любим.

Следует, однако, отметить, что взаимопонимание между Гарвеем и Дэзи детерминировано не столько тем, что оба они наделены развитой способностью к эмпатии, а в большей степени обусловлено родством их душ, которое не создается, не взращивается, а изначально дается свыше как некий дар. Получается, что взаимопонимание нельзя выстроить, выпестовать в ходе совместного общения, оно либо возникает сразу, либо не появляется вовсе. По сути эта же точка зрения проводится Грином в вышеупомянутом рассказе «Словоохотливый домовый», где Анни и Ральф, зная друг о друге лишь из писем, при первой же очной встрече, до всяких слов, с первого же взгляда понимают, что являются двумя половинками единой души [9, с. 158–162].

Антиподом понимания выступает, разумеется, непонимание. В романе непониманием главного героя, прежде всего, страдают его антагонист капитан Гез [10, с. 59] и горячо любимая им Биче Сениэль [10, с. 172]. Несмотря на то, что Гарвей предстает как опытный коммуникатор, носитель достаточно широких взглядов, ему не удается понять Геза, а Гез, соответственно, не понимает Гарвея. В итоге, по мнению Гарвея, именно непонимание становится главной причиной их конфликта, в результате которого Гез сначала проникается к Гарвею ненавистью, а затем ссаживает его с корабля на шлюпку в открытом океане.

Если для Геза непонимание становится источником ненависти к Гарвею [10, с. 59], то Биче непонимание приводит к тому, что Гарвей для нее делается «почти неживым» [10, с. 172]. В эпилоге девушка так выражает свое гносеологическое кредо: «Не понимаю – значит, не существует!» [10, с. 187]. Для Биче понять Гарвея означало бы, прежде всего, поверить в реальность его встречи с Фрези Грант, однако факт существования последней резко противоречит ее рационалистическому мировидению, в котором нет места для мистического. В результате Биче отвергает и мировоззрение Гарвея, и его любовь, предпочитая оставаться «слепой», чтобы сохранить статус-кво – цельность собственной рассудочной картины мира.

Согласно Грину, понять человека – это не просто войти в его внутренний мир, но и присвоить его, принять и согласиться с его мировоззрением, разделить его чувства и мысли, поверить и довериться ему. Тогда как непонимание ведет к разрушению не только любви или дружбы, но делает невозможным всякое общение, приводит к экзистенциальной смерти другого.

Таким образом, позиция Грина оказывается близкой и к «философии жизни» (в частности, взглядам В. Дильтея), и к гуманитарному мышлению М. М. Бахтина. С первым его роднит признание частично иррационального характера понимания [16, с. 24], со вторым – положение о диалогичности понимания, о возможности понимания только как взаимопонимания [3, с. 306], о том, что человека «можно любить, жалеть и т. п., но главное – его можно (и нужно) понимать» [3, с. 308]. Но, с другой стороны, трудно согласиться с точкой зрения писателя на понимание как некий дар небес, которому невозможно научиться. Весь опыт развития психологии и психотерапии на протяжении последних ста лет свидетельствует об обратном – о том, что и пониманию, и любви можно и нужно учиться. Стоит хотя бы вспомнить работы

психологов-гуманистов, начиная с «Искусства любви» Э. Фромма [27] и заканчивая «Становлением человека» К. Роджерса [24].

Наконец, еще одной важной темой, поднимаемой в романе, является центральная для гносеологии *проблема истины*. Последняя ставится в форме вопросов, решаемых главным героем: как отличить истинное Несбывшееся от его многочисленных подделок-суррогатов, как выбрать истинный путь к Несбывшемуся, а не пойти в очередной раз по одному из многих ложных путей, ведущих в тупик? [10, с. 10]. Несмотря на то, что Гарвей в конце концов в лице Дэзи обретает свое Несбывшееся, то есть его поиски оказываются успешными, на указанные вопросы едва ли можно найти в романе полный и окончательный ответ. Тем не менее Грин уже в начале повествования все же дает некоторые довольно сбивчивые указания, следование которым может повысить вероятность успеха охоты за Несбывшимся.

В частности, можно отметить следующие особенности подлинного Несбывшегося и правильного движения к нему: сначала надо уяснить сущность и тип Несбывшегося [10, с. 5] и покориться ему [10, с. 6], оно может восстать только само [10, с. 6], в его поисках надо обращать внимание на «знаки и фигуры» [10, с. 13], на явления параллелизма [10, с. 5], «ловить все намеки, пользоваться каждым лучом среди туч и лесов» [10, с. 13]. Иными словами, *надо быть сенситивным ко всему*, что происходит вокруг, замечать необычное; даже самые малые события, случайные совпадения, «шепот Вселенной» могут указать верный путь.

При этом, как показывается в романе, сам путь к обретению Несбывшегося едва ли может быть простым и прямым. Он, с одной стороны, похож на *охоту*, с другой – на *игру*. В этой игре весь мир предстает как огромный ребус, подбрасывающий «охотнику» все новые задачи, для разрешения которых надо проявить не только ум, но и смелость, мужество, а порой – милосердие и сострадание. Поэтому Несбывшееся похоже в какой-то степени на Грааль, на град Китеж, которые открываются и покоряются только отважным людям с чистой душой и добрым сердцем. Разумеется, к таковым относится и Томас Гарвей, словно нанизывающий одно доброе дело на другое – то он заступает за девушку, защищая ее от Геза, то помогает Дэзи вылечить глаз, то хочет намеренно проиграть деньги Тоббогану, то готов навести на себя подозрения в убийстве Геза, чтобы выгородить Биче, и тому подобное. Поэтому неудивительно, что именно к таким людям, как Гарвей, в нужный момент на помощь приходят создания из трансцендентных миров, в частности, божественная Фрези Грант.

Среди «знаков и фигур», способных указать верный путь к Несбывшемуся, особое значение автор придает явлениям параллелизма, по сути предваряя в образной форме юнгианский акаузальный принцип синхроничности [31]. Об этом лучше всего сказала, пожалуй, Биче Сениэль: «Уже начал двоиться мир благодаря вам: два желтых платья, две «Бегущие по волнам» и – два человека в одном!» [10, с. 172]. Но вместо того, чтобы в этих «случайных» совпадениях увидеть знаки Несбывшегося, Биче закрывается от них и даже впадает в отчаяние. Гарвей же, напротив, приветствует их и следует за ними, ибо за случайными совпадениями видит проявления некой единой воли, плетущей «венки событий» именно таким образом, чтобы помочь ему обрести именно то, что сделает его счастливым.

Таким образом, путь к Несбывшемуся как к экзистенциальной истине человека открывается далеко не всем, чтобы его найти и успешно пройти до конца, необходимо, с одной стороны, обладать высокой нравственностью, и с другой, уметь смотреть на мир открытыми глазами, распознавая за случайными совпадениями, знаками и фигурами осмысленный «венки событий», ткущийся трансцендентным режиссером.

К сожалению, ограниченный объем статьи не позволяет рассмотреть некоторые другие гносеологические проблемы романа. В частности, в главе VII писатель сталкивается в ожесточенном споре двух матросов, имеющих кардинально противоположные мнения о капитане Гезе [10, с. 32–33], как бы показывая, что в мире людей законы формальной логики (а именно закон противоречия) не действуют. А в главе XX Дэзи в качестве критерия истинности легенды о Фрези Грант приводит такое основание: «Я верю, потому что от этой истории хочется что-то сделать» [10, с. 92], иначе говоря, критерием истинности выступает способность знания побуждать к деятельности.

Наряду с темой понимания автор также раскрывает проблему познания душевного мира другого человека. И Гарвей, и Дэзи оказываются искусными коммуникаторами, способными расположить к себе человека, побудить его к самораскрытию, используя правильно сформулированные вопросы, а также, возможно, жесты, интонации и другие паралингвистические и невербальные средства.

Также отдельного рассмотрения заслуживают гносеологические метафоры Грина, к числу которых можно отнести следующие: закрытую дверь и отсутствующий ключ от нее; мелодию и истинный оркестр; конец нити к запрятанному клубку.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что гносеологическое кредо Грина близко не только к романтизму с его культом чудесного и таинственного, но также к «философии жизни» и экзистенциализму, признающими превосходство иррациональных путей познания мира – понимания, вживания, интуиции, переживания, веры в мистическое. Однако вместе с тем Грин вовсе не отвергает разум, признает его необходимость и достаточность для решения большинства жизненных проблем. Внерациональные способы постижения бытия актуализируются лишь тогда, когда человек оказывается перед лицом экзистенциального выбора, в точке бифуркации на траектории собственной судьбы, когда неведомое предлагает вступить на рискованную стезю «охоты» за Несбывшимся. Именно в такие минуты неопределенности человек не просто ждет, а призывает мистическое, те самые «знаки и фигуры», войти в его жизнь, чтобы помочь осуществить свое подлинное предназначение. Поэтому на самом деле Грин ближе к славянофилам и В. С. Соловьеву с их идеей целостного познания, взаимодополнительности разума, чувства и веры, науки, искусства и религии [12], чем к романтикам и иррационалистам, принижающим роль разума в постижении мироздания.

На основе проведенного анализа можно также сформулировать вопросы и задания (в частности, темы для эссе и сочинений), адресованные обучающимся вузов и колледжей, изучающим философию (в рамках семинаров, посвященным проблемам познания). Например, задание можно представить в следующей форме:

1. Прочитайте роман Александра Грина «Бегущая по волнам» и его рассказ «Словоохотливый домовый» и постарайтесь найти ответы на нижеуказанные вопросы:

- 1) Какая гносеологическая проблематика присутствует в романе?
- 2) В чем принципиальная разница между взглядами Гарвея и Биче на пути познания мира?
- 3) Почему Биче отказывается верить в реальность Фрези Грант?
- 4) Как Вы думаете, почему писатель сделал Дэзи временно «одноглазой», что этим он хотел показать?
- 5) Что имеет в виду Биче, когда говорит: «Я слепа»?
- 6) Что имеет в виду Гарвей, когда утверждает, что «все открыто для всех»?
- 7) Как решается проблема понимания в романе?
- 8) Как Вы понимаете слова Биче Сениэль: «Не понимаю – значит, не существует!»?
- 9) Как Вы понимаете следующие слова Дэзи: «"Человека не понимают". Надо его понять, чтобы увидеть, как много невидимого!»?

10) Что домовый безуспешно силится понять более 30 лет и почему ему это не удастся?

11) В чем, по мнению домового, состоит непроницательность людей?

12) Чем проницательность людей отличается от проницательности домовых?

2. Напишите эссе по одной из следующих тем:

- 1) Проблема понимания и ее раскрытие в романе «Бегущая по волнам».
- 2) Проблема рационального и иррационального в романе «Бегущая по волнам».
- 3) Охота и игра как способы познания и обретения Несбывшегося.
- 4) Два рода проницательности-непроницательности в новелле А. Грина «Словоохотливый домовый».

Рекомендуемый объем эссе – 2–4 страницы формата А-4.

Заключение. Подводя итоги проведенного анализа гносеологического содержания романа Грина «Бегущая по волнам», можно заключить следующее:

1) основное гносеологическое содержание романа связано с дихотомией рационального и мистического как двух способов постижения мира, которые отстаивают, соответственно, Биче Сениэль и Томас Гарвей;

2) однако мистическое познание не столько противопоставляется рациональному, сколько рассматривается в качестве дополнения, расширения последнего;

3) рассматривая проблему понимания, автор показывает, что оно возможно лишь как взаимопонимание, а последнее необходимо воплощается в деятельной любви;

4) истина в романе трактуется как экзистенциальная категория, олицетворяемая образом Несбывшегося, обретение которого связано с необходимостью найти единственный подлинный путь к нему, правильно интерпретируя целеуказующие «знаки и фигуры».

В целом же гносеология Грина в основе своей аксиологична, то есть ценностно заряжена, нравственно окрашена. Автор не скрывает своих симпатий ни к возвышенному миру чудесного, ни к мистическому познанию, противопоставляя их миру обыденности и рациональным путям постижения мира. Таким образом, не будет преувеличением утверждать, что в «Бегущей по волнам» находит воплощение антисциентистское мировидение писателя.

В заключение нельзя не отметить, что экспликация гносеологического содержания отдельных произведений Грина будет способствовать аксиологизации преподавания философии, инкорпорации ценностного измерения даже в, казалось бы, сугубо нейтральные темы («Познание как предмет философского анализа», «Истина, ее сущность и критерии», «Рациональное и иррациональное в познании» и другое).

Список литературы

1. Акимов О. Ю. Структура мира в творчестве А. Платонова // Ценности и смыслы. 2012. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mira-v-tvorchestve-a-platonova> (дата обращения: 29.03.2022).
2. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // М. М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 381–393.
3. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // М. М. Бахтин Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 297–325.
4. Белогорская Л. Модель мира в романе А. Грина «Бегущая по волнам» // Проза. ру. URL: <https://proza.ru/2016/04/08/182> (дата обращения: 14.09.2022).
5. Библер В. С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М. : Прогресс : Гнозис, 1991. 176 с.
6. Бондаренко Е. Н. Натурфилософская проза второй половины XX века: концепция личности : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010. 168 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004748000> (дата обращения: 16.10.2022).
7. Бубер М. Я и Ты // Бубер Мартин. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 15–92.
8. Гёте И. В. Малое собрание сочинений. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 704 с.
9. Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. IV. М. : Правда, 1980. 480 с.
10. Грин А. С. Собрание сочинений : в 6 т. Т. V. М. : Правда, 1980. 496 с.
11. Жихарева Т. Проблема понимания в философии В. Дильтея и М. Хайдеггера // Vox. Философский журнал. 2013. № 14. С. 164–181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera> (дата обращения: 15.09.2022).
12. Киреевский И. В. О необходимости и возможности новых начал для философии // И. В. Киреевский. Духовные основы русской жизни. М. : Институт русской цивилизации, 2007. С. 228–294.
13. Киричек А. В. Архетип Анимы в неоромантической прозе Александра Грина (на материале романа «Бегущая по волнам») // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 115–122. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.058.
14. Киричек А. В. Архетипы неоромантизма: Дикарка и Фродо // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 3. С. 260–264.
15. Киричек А. В. Философские смыслы и символы в романе А. С. Грина «Бегущая по волнам»: онтологическая проблематика // Культура и безопасность. 2022. № 4. С. 13–21. DOI: 10.25257/KB.2022.4.13-21.
16. Киричек А. В. Гносеологический анализ гуманитарной парадигмы в психологии : дисс. ... канд. филос. наук. М., 2000. 160 с.
17. Ключарева А. О. Психолингвистический аспект метафор А. С. Грина // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2017. № 15. С. 129–136. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29245835_70857064.pdf (дата обращения: 15.09.2022).
18. Ключарева А. О. Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина : дисс. ... канд. филол. наук. М., 2017. 168 с. URL: <https://diss.unn.ru/files/2018/887/diss-Klyucherova-887.pdf> (дата обращения: 16.09.2022).
19. Кобзев Н. А., Загвоздкина Т. Е. Поэтика прозы Александра Грина : монография. Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2006. 160 с.
20. Кротова Д. В. Феномен творческой личности в понимании Д. В. Шаламова // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 6. С. 65–71. URL: <http://vestnik43.ru/6-2017-vgu.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
21. Лосев А. Ф. Страсть к диалектике: Литературные размышления философа. М. : Советский писатель, 1990. 320 с.
22. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М. : Смысл, 1999. 425 с.
23. Маслова А. Г. Философские мотивы в поэзии Е. И. Кострова // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 36–40. URL: <http://vestnik43.ru/2-2017-vgu.pdf> (дата обращения: 15.09.2022).
24. Роджерс К. Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс : Универс, 1994. 479 с.

25. Соловьев В. С. Смысл любви // В. С. Соловьев. Философия искусства и литературная критика. М. : Искусство, 1991. С. 99–160.
26. Улитина Н. М. Экзистенциальная проблема страха в творчестве М. Ю. Лермонтова как социокультурный концепт // Научный журнал КубГАУ. 2017. № 126. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnaya-problema-straha-v-tvorchestve-m-yu-lermontova-kak-sotsiokulturnyy-kontsept> (дата обращения: 29.03.2023).
27. Фромм Э. Искусство любить. СПб. : Азбука-классика, 2004. 219 с.
28. Фромм Э. Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993. 415 с.
29. Ходикова Н. А. Критическое мышление и информационная грамотность // Культура и безопасность. 2021. № 3. С. 11–15. DOI: 10.25257/KB.2021.3.11-15.
30. Шевцова Г. И. Художественное воплощение идеи движения в творчестве А. С. Грина (мотивный аспект) : дисс. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 20 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01002343171.pdf (дата обращения: 16.09.2022).
31. Юнг К. Г. О «синхроничности» // К. Г. Юнг. Избранное. М. : Попурри, 1998. С. 427–443.

The experience of identifying the epistemological content of the existential prose of A. S. Green (based on the novel "Running on the Waves")

Kirichek Alexander Vladimirovich¹, Hodikova Nina Anatolyevna²

¹PhD in Philosophical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-0771-2815. E-mail: kirichek70@mail.ru

²PhD in Philosophical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Philosophy, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-2415-6267. E-mail: 5856243@mail.ru

Abstract. One of the ways to make the study of philosophy more interesting and fascinating is the use of works of fiction, primarily domestic. Consideration of the content of the latter through the prism of categories and concepts of philosophy can activate the critical thinking of students, develop their creative abilities. However, the vast majority of studies aimed at studying the philosophical content of literary works are devoted to the problems of ontology, anthropology and social philosophy, while questions of the theory of knowledge remain on the far periphery of such research. One of the reasons for this situation is that it is quite difficult to choose works that have a sufficiently rich epistemological content. One of the literary works that provides rich material for epistemological analysis is Alexander Green's existential novel "Running on the Waves". The purpose of this article is to explicate the theoretical and cognitive content of this work. To achieve this goal, various types of analysis (epistemological, comparative, literary, psychological), as well as the principles and rules of hermeneutics were involved. The article shows that the main characters of the novel – Thomas Garvey and Biche Seniel – use various cognitive strategies resulting from their opposing views on the antithesis of "rational – mystical". However, at the same time, mystical knowledge is not so much opposed to rational knowledge, as it is interpreted as a supplement and extension of the latter. The novel also raises the topic of understanding, which is possible only as mutual understanding and presupposes active love, the problem of truth is considered as a question of choosing between genuine and false ways of mastering the Unfulfilled. In conclusion, it is concluded that Green's epistemology is axiological, because it is inextricably linked with the writer's anti-scientific worldview. The results obtained can be used in the process of teaching philosophy: questions and tasks on the work addressed to students of universities and colleges are given.

Keywords: epistemology, understanding, Alexander green, rational, mystical, truth, teaching philosophy, artwork.

References

1. Akimov O. Yu. *Struktura mira v tvorchestve A. Platonova* [The structure of the world in the works of A. Platonov] // *Cennosti i smysly* – Values and meanings. 2012. No. 4 (20). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mira-v-tvorchestve-a-platonova> (date accessed: 29.03.2022).
2. Bahtin M. M. *K metodologii gumanitarnykh nauk* [To the methodology of the humanities] // *M. M. Bahtin. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo (Art). 1986. Pp. 381–393.
3. Bahtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah* [The problem of text in linguistics, philology and other humanities] // *M. M. Bahtin. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. M. Iskusstvo (Art). 1986. Pp. 297–325.

4. Belogorskaya L. Model' mira v romane A. Grina "Begushchaya po volnam" [The model of the world in A. Green's novel "Running on the waves"] // Prose.ru. Available at: <https://proza.ru/2016/04/08/182> (date accessed: 14.09.2022).
5. Bibler V. S. *Mikhail Mihajlovich Bahtin, ili Poetika kul'tury* [Mikhail Mikhailovich Bakhtin, or the Poetics of culture]. M. Progress : Gnosis. 1991. 176 p.
6. Bondarenko E. N. *Naturfilosofskaya proza vtoroj poloviny XX veka: koncepciya lichnosti : diss. ... kand. filol. nauk* [Natural philosophical prose of the second half of the twentieth century: the concept of personality : diss. ... PhD in Philology]. M. 2010. 168 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004748000> (date accessed: 16.10.2022).
7. Buber M. *Ya i Ty* [Me and You] // *Buber Martin. Dva obraza very* [Two images of faith]. M. Republic. 1995. Pp. 15–92.
8. Goethe I. V. *Maloe sobranie sochinenij* [Small collection of works]. SPb. Azbuka (ABC) : Abc-Atticus. 2018. 704 p.
9. Green A. S. *Sobranie sochinenij : v 6 t. T. IV* [Collected works : in 6 vols. Vol. IV]. M. Pravda (Truth). 1980. 480 p.
10. Green A. S. *Sobranie sochinenij : v 6 t. T. V* [Collected works : in 6 vols. Vol. V]. M. Pravda (Truth). 1980. 496 p.
11. Zhihareva T. *Problema ponimaniya v filosofii V. Dil'teya i M. Hajdeggera* [The problem of understanding in the philosophy of V. Dilthey and M. Heidegger] // *Vox. Filosofskij zhurnal – Vox. Philosophical Journal*. 2013. No. 14. Pp. 164–181. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-v-filosofii-v-dilteya-i-m-haydeggera> Russian Russian Spiritual Foundations (date accessed: 15.09.2022).
12. Kireevskij I. V. *O neobhodimosti i vozmozhnosti novyh nachal dlya filosofii* [On the necessity and possibility of new beginnings for philosophy] // I. V. Kireevskij. *Duhovnye osnovy russkoj zhizni* [Spiritual foundations of Russian life]. M. Institute of Russian Civilization. 2007. Pp. 228–294.
13. Kirichek A. V. *Arhetip Animy v neoromanticheskoj proze Aleksandra Grina (na materiale romana "Begushchaya po volnam")* [The archetype of Anima in the neo-romantic prose of Alexander Green (based on the novel "Running on the Waves")] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya – Herald of Humanitarian Education*. 2021. No. 4 (24). Pp. 115–122. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.058.
14. Kirichek A. V. *Arhetipy neoromantizma: Dikarka i Frodo* [Archetypes of Neo-Romanticism: Savage and Frodo] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical herald*. 2015. No. 3. Pp. 260–264.
15. Kirichek A. V. *Filosofskie smysly i simvoly v romane A. S. Grina "Begushchaya po volnam": ontologicheskaya problematika* [Philosophical meanings and symbols in A. S. Green's novel "Running on Waves": ontological problematics] // *Kul'tura i bezopasnost' – Culture and Security*. 2022. No. 4. Pp. 13–21. DOI: 10.25257/KB.2022.4.13-21.
16. Kirichek A. V. *Gnoseologicheskij analiz gumanitarnoj paradigmy v psihologii : diss. ... kand. filos. nauk* [Epistemological analysis of the humanitarian paradigm in psychology : diss. ... PhD in Philos. Sciences]. M. 2000. 160 p.
17. Klyuchareva A. O. *Psiholingvisticheskij aspekt metafor A. S. Grina* [Psycholinguistic aspect of A. S. Green's metaphors] // *Psiholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoj deyatel'nosti – Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*. 2017. No. 15. Pp. 129–136. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_29245835_70857064.pdf (date accessed: 15.09.2022).
18. Klyuchareva A. O. *Struktura i funkcii metafor v proizvedeniyah A. S. Grina : diss. ... kand. filol. nauk* [The structure and functions of metaphors in the works of A. S. Green : diss. ... PhD in Philological Sciences]. M. 2017. 168 p. Available at: <https://diss.unn.ru/files/2018/887/diss-Klyuchareva-887.pdf> (date accessed: 16.09.2022).
19. Kobzev N. A., Zagvozdkina T. E. *Poetika prozy Aleksandra Grina : monografiya* [The poetics of Alexander Green's prose : monograph]. Simferopol. Crimean Educational and Pedagogical State Publishing House. 2006. 160 p.
20. Krotova D. V. *Fenomen tvorcheskoy lichnosti v ponimanii D. V. Shalamova* [The phenomenon of creative personality in the understanding of D. V. Shalamov] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2017. No. 6. Pp. 65–71. Available at: <http://vestnik43.ru/6-2017-vgu.pdf> (date accessed: 15.09.2022).
21. Losev A. F. *Strast' k dialektike: Literaturnye razmyshleniya filosofa* [Passion for dialectics: Literary reflections of a philosopher]. M. Soviet writer. 1990. 320 p.
22. Maslow A. *Novye rubezhi chelovecheskoj prirody* [New frontiers of human nature]. M. Smysl (Sense). 1999. 425 p.
23. Maslova A. G. *Filosofskie motivy v poezii E. I. Kostrova* [Philosophical motives in the poetry of E. I. Kostrov] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2017. No. 2. Pp. 36–40. Available at: <http://vestnik43.ru/2-2017-vgu.pdf> (date accessed: 15.09.2022).
24. Rogers K. R. *Vzglyad na psihoterapiyu. Stanovlenie cheloveka* [A look at psychotherapy. The formation of man]. M. Progress : Univer. 1994. 479 p.
25. Solov'ev V. S. *Smysl lyubvi* [The meaning of love] // *S. Solov'ev Filosofiya iskusstva i literaturnaya kritika* [Philosophy of art and literary criticism]. M. Iskusstvo (Art). 1991. Pp. 99–160.
26. Ulitina N. M. *Ekzistencial'naya problema straha v tvorchestve M. Yu. Lermontova kak sociokul'turnyj koncept* [The existential problem of fear in the work of M. Y. Lermontov as a socio-cultural concept] // *Nauchnyj*

zhurnal KubGAU – Scientific journal KubSAU. 2017. No. 126. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnaya-problema-straha-v-tvorchestve-m-yu-lermontova-kak-sotsiokulturnyy-kontsept> (date accessed: 29.03.2023).

27. Fromm E. *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving]. SPb. ABC-classics. 2004. 219 p.

28. Fromm E. *Psihoanaliz i etika* [Psychoanalysis and ethics]. M. Republic. 1993. 415 p.

29. Hodikova N. A. *Kriticheskoe myshlenie i informacionnaya gramotnost'* [Critical thinking and information literacy] // *Kul'tura i bezopasnost'* – Culture and security. 2021. No. 3. Pp. 11–15. DOI: 10.25257/KB.2021.3.11-15.

30. Shevcova G. I. *Hudozhestvennoe voploshchenie idei dvizheniya v tvorchestve A. S. Grina (motivnyj aspekt) : diss. ... kand. filol. nauk* [Artistic embodiment of the idea of movement in the work of A. S. Green (motivic aspect) : diss. ... PhD in Philological Sciences]. Yelets. 2003. 20 p. Available at: https://new-disser.ru/_avto-referats/01002343171.pdf (date accessed: 16.09.2022).

31. Jung K. G. *O "sinhronistichnosti"* [On "synchronicity"] // *K. G. Jung. Izbrannoe* [Favorites]. M. Potpourri. 1998. Pp. 427–443.